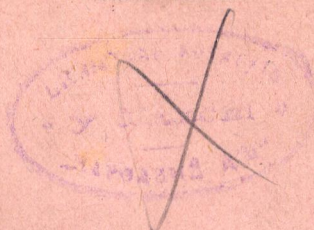

30805

100

В. Р. Ваврикъ.

**Побѣгъ изъ плѣна
генерала Корнилова
черезъ Карпаты**

Львовъ, 1931.

Типографія Ставропигійск. Института во Львовѣ
подъ управленіємъ З. М. МЕДЫЦКАГО.

30805

В. Р. Ваврикъ.

6801

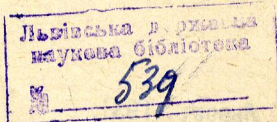
Побѣгъ изъ плѣна
генерала Корнилова
черезъ Карпаты

В. Ваврикъ

Львовъ, 1931.

Ген. Лавръ Георгіевичъ Корниловъ.

Побѣгъ изъ плѣна ген. Корнилова черезъ Карпаты.

На свѣтѣ все измѣнчиво.

Поколѣніе смѣняетъ поколѣніе. Бываетъ и такъ, что безвозвратно гибнуть державы и народы. На ихъ мѣсто приходятъ новые люди и новые порядки. Въ потокѣ безконечнаго времени оставляютъ за собою слѣдъ только рѣдкія единицы, одаренныя безсмертнымъ знаменемъ духа. Таковъ Александръ Македонскій, великій богатырь старины, съумѣвшій покорить весь востокъ отъ чарующей Греціи вплоть къ гималайскимъ горамъ, у стопъ которыхъ раскинулась благодатная Индъя. Таковъ грозный Атилла, вождь желтокожихъ гунновъ, пролетѣвшій громомъ съ дикою своею ордою черезъ поля и горы отъ Азіи къ берегамъ Франціи. Таковъ и Наполеонъ, что вздумалъ держать подъ своею пятою разноплеменные народы всей Европы.

Не такъ великъ былъ русскій полководецъ въ послѣдней кровопролитной войнѣ, Лавръ Георгіевичъ Корниловъ! Однако его имя, какъ имена выше отмѣченныхъ богатырей, разъ навсегда останется достояніемъ исторіи челоувѣчества, какія бы судьбы его ни ожидали; особенно русскій народъ, раньше или позже, сложить про него не одну легенду, не одну звучную былинку, прослав-

ляя въ ней его беззавѣтную храбрость и крѣпкую любовь къ родной землѣ.

*

Начнемъ разсказъ съ того дня, когда ген. Корниловъ нашелся въ тяжеломъ плѣну, среди мадьярской, чужой ему стихіи.

Еще густые сумерки лежатъ надъ землею, и не скоро еще засіяетъ разсвѣтъ, а уставшій плѣнникъ уже на ногахъ; не спится ему въ старомъ, уныломъ замкѣ, окруженномъ сильною заставою сторожей. Невыносимая тоска гложетъ его больное сердце.

И такъ въ утомительной думѣ текутъ его невольные дни и глухія ночи. Все гуще и гуще морщится чело испытаннаго въ бояхъ воина, и тяжелое горе, повисшее надъ его родною стороною, тревожитъ его постоянно. Онъ слышитъ зловѣщіе голоса, къ нему долетаютъ ужасныя вѣсти, и чуткою душою онъ предчувствуетъ бездну злодѣяній, въ которую падаетъ его дорогая мать-родина. Наединѣ, гдѣ его не замѣчаютъ, онъ молится, къ землѣ припадая: „Мнѣ не страшна тюрьма, заключившая меня въ неволю; меня терзаетъ, пополамъ сердце и душу разрывая, мучительная тревога: тамъ, надъ русскою землею клокочетъ свирѣпая буря, тамъ зрѣетъ предательство, и некому порвать цѣпи, накинута на великую страдалицу“.

*

Ген. Корниловъ изучилъ Карпаты въ совершенствѣ еще тогда, когда къ нимъ приближался съ своими вѣрными полками; основательно онъ познакомился и съ ихъ печальною исторіею: зналъ, что Днѣстръ и Быстрицы—русскія рѣчки, что приросшій къ ногамъ Карпаты древній Галичъ —

одинъ изъ первыхъ русскихъ городовъ, въ которомъ такъ-же, какъ и въ Кіевѣ, пѣли бояны о славѣ Владиміра, Ярослава, Осмомысла, звучали гусли въ честь Романовичей, князей Романа, Даниіла, Льва и Юрія. Онъ собственными очами замѣтилъ развалину замка, сохранившуюся въ доказательство прошедшей свободы на крутомъ берегу Днѣстра.

И мѣря ровными шагами свою камеру, ген. Корниловъ мысленно вспоминаетъ рукопашные бои съ нѣмотою; густымъ роемъ носятъ надъ нимъ воспоминанія о томъ, какъ онъ, не щадя себя, ведетъ свое войско къ Терехову, къ Бережанамъ, къ Зборову, а тамъ къ Галичу, вглубь Карпатъ къ Дуклянскому перевалу. Онъ останавливается недвижимо у окна, и ему кажется, что все ушло безвозвратно. Усталая грудь дышитъ порывисто, и чей-то невѣдомый голосъ заглушаетъ его слухъ. И пелена черного тумана покрываетъ его очи, изъ которыхъ капаютъ крупныя слезы.

*

Трезожные слухи о трудномъ положеніи на родинѣ рѣшили судьбу ген. Корнилова: будучи человѣкомъ чрезвычайно смѣлымъ, самоотверженнымъ и пренебрегающимъ смертью, онъ постановилъ бѣжать—бѣжать, во что-бы то ни стало.

Но какъ бѣжать изъ плѣна генералу? Не легко это дается солдату, котораго меньше стерегутъ, котораго выводятъ на работу въ поле и лѣсъ; откуда онъ можетъ свободно уйти въ отдаленное мѣсто и бѣжать, куда глаза глядятъ. Другое дѣло съ начальникомъ дивизіи! Вокругъ его тюрьмы, что 10 шаговъ—по часовому. Сознаніе, что немислимо пробраться за черныя ворота,

угнетало Корнилова: онъ не принималъ пищи, не спалъ по ночамъ, и при едва мерцающемъ свѣтѣ дня, сквозь щель въ ставняхъ, все неутомимо продолжалъ всматриваться въ сторону чуть-чуть синѣющихъ карпатскихъ вершинъ.

Однако, спасенія не видѣлось...

Однажды ночью, вдругъ почудилось Корнилову, что кто-то къ нему приближается; онъ почувствовалъ, что на его плечо опустилась тяжелая рука и встряхнула его. Это былъ рядовой солдатъ австрійской арміи, чехъ по происхожденію, по имени Мрнякъ, опромѣтчивый, хитрый юноша, одинъ изъ сторожей замка. Съ перваго дня онъ подмѣтилъ глубокое страданіе узника и рѣшилъ оказать ему помощь, рискуя жизнью. Онъ принесъ съ собою старую, сѣрую, грязную шинель и помятую шапку австрійской формы, далъ ему ружье и велѣлъ идти прямо въ ворота. Дремавшій часовой и не замѣтилъ обоихъ; они вышли на большую дорогу по направленію къ Карпатамъ.

Какъ свободно, какъ широко отдохнула грудь недавняго невольника! Однако и отдыхать некогда! Надо скорѣе идти въ горы.

На своемъ пути ген. Корниловъ придерживался разной тактики. Сначала онъ шелъ прямо черезъ села и города, зная, что тамъ меньше наблюдаютъ, чѣмъ въ садахъ и огородахъ, куда прятались дезертиры. Вѣрнаго и преданнаго Мрняка онъ отпустилъ на свободу, поблагодаривъ его за великодушное, стоящее жизни самопожертвованіе; послѣ трехъ сутокъ пути онъ вошелъ въ большой городъ Мискольчъ. Онъ зашелъ въ ресторанъ на окраинѣ города, чтобы запастись необходимыми харчами на дорогу.

Было еще очень рано, но въ ресторанѣ уже

кипѣла жизнь кипучимъ ключемъ: солдаты пѣли пѣсни, цыганки танцевали чардашъ, за столами рукоплескали пожилые мадьяры. Запахъ вина и табаку мутить ихъ головы. Ген. Корниловъ купивъ необходимое, присѣлъ у стола, чтобы отдохнуть послѣ тяжелой дороги; и тутъ онъ услышалъ чудный разговоръ двухъ уже порядочно выпившихъ нѣмцевъ.

— Слышишь, бѣжалъ ген. Корниловъ! Donnerwetter, какъ это могло случиться?

— На мадьяръ нельзя полагаться; это, братъ, ехидный народъ: выпустили, и кончено!

— Не что другое, какъ предательство! Но вотъ, братъ, пишетъ газета, что тому, кто поймаетъ генерала, назначено вознагражденіе въ десять тысячъ кронъ. Эхъ, не плохо бы получить такую сумму.

— О да! пригодились бы деньжата въ такое неотрадное время. А это его снимокъ? Какой-то невзрачный себѣ, совсѣмъ не похожій на генерала!

Нѣмцы стали разсматривать снимокъ ген. Корнилова, котораго въ то время въ туманномъ ресторанѣ нельзя было узнать по лицу: онъ высохъ, какъ жердь, очи его глубоко впали въ орбиты, жидкая борода росла въ безпорядкѣ, а австрійская шинель преображала его въ несчастнаго запасного, отъ которыхъ на каждомъ шагу кишѣло въ городѣ, особенно въ ресторанахъ. Онъ незамѣтно вышелъ изъ гущи солдатъ и поспѣшно направился въ горы.

*

Весна расцвѣла въ полной красѣ.

Корниловъ находился уже въ Карпатахъ, когда австрійскія и мадьярскія газеты ежедневно

доносили, что онъ пойманъ и разстрѣлянь. Приученный къ суровой долѣ, бѣглець терпѣливо выносилъ голодъ, зной, по ночамъ холодъ и жажду. Въ ночной темнотѣ онъ проходилъ черезъ потоки, пробирался черезъ скалы и пропасти и шелъ непрерывно, не зная отдыха. Сквозь листву безбрежнаго бора улыбалось ему голубое лицо яснаго неба. Кругомъ трепетала природа, какъ волны моря, шумѣли вѣтви вѣчнаго лѣса, и ароматъ цѣлебныхъ цвѣтовъ наполнялъ его грудь. Быстрый и легкій соколъ, трепеща крыльями, несясь въ высь подъ голубыя облака. Живо играли ручейки и водопады. Пастушки, какъ только взошло солнце, пѣли заунывныя пѣсни, глядя на стадо овецъ, бѣгающихъ по зеленымъ полянамъ. Въ этихъ пѣсняхъ такъ и смѣшивались тоска и горе, придавившія когда-то вольные Карпаты. Вслушиваясь, ген. Корниловъ улавливалъ въ нихъ звуки далекой своей родины, и больно сжималось его сердце; тронутый горькой участью горцевъ, онъ, вольный казакъ, долго морщилъ обгорѣвшее отъ солнца чело и, облокотясь на скалистый обрывъ, погрузился въ какое-то тяжелое забвеніе: грусть изобразилась на его лицѣ. Онъ вспомнилъ кровавую битву въ карпатскомъ перевалѣ у Дукли, гдѣ горсть его вѣрныхъ воиновъ, какъ встарь у Фермопилъ спартанцы, удерживала напоръ бѣшеннаго непріятеля. Вокругъ трупы, и онъ самъ раненъ, однако и не думаетъ сдаваться: „передержусь за всякую цѣну, пусть погибну на мѣстѣ, но не сдамся; все, что угодно, только не плѣнъ; достоинство и честь русскаго воина прежде всего; я долженъ владѣть собою, ибо такъ велитъ долгъ, такъ велитъ совѣсть“. Сильною тоскою сжалось его надорванное сердце: „эхъ полки мои стальные, гдѣ вы теперь?“

Какъ богатыри, легли вы въ Карпатахъ. А гдѣ конь мой, игравшій подо мною при звукѣ трубы? Навѣрно, шрапнель разнесла его на куски, когда онъ, лишенный сѣдока, ворвался въ гущу солдатъ. Эй, ребята, не сдавайтесь врагу, одинъ шагъ впередъ равенъ сотнѣ верстъ отступленія. Впередъ, родные, впередъ!..“

*

Ой, ходивъ тай учора,
Ой, ходивъ я нынѣ;
А не могъ я изходити
Краю въ полонинѣ.

Ой, зелена полонина,
Зелена, зелена;
По три ряды буковина
Туды засаджена.

Въ полонинѣ при долини
Тамъ соненько сѣло;
Диви, брате, черно сгало
Тамъ, де було бѣло.

Въ полузабытїи и подѣ говоръ воспомина-
ній ген. Корниловъ слышалъ пѣсню, но хорошо
ее не разбиралъ; онъ даже не замѣтилъ, когда
къ нему подошелъ чабанъ съ „дзюбенкою“ че-
резъ плечо и „топорцомъ“ въ рукѣ. Онъ былъ
прикрытъ овечьей шкурой, вывернутой вверхъ
шерстью, и былъ похожъ на кудесника съ сѣ-
дыми волосами, выпадавшими густымъ снопомъ
изъ-подъ соломенной шляпы.

— А ты кто будешь? — ровнымъ голосомъ
спросилъ пастухъ зашедшаго въ горы незнакомца.

— Бѣгу въ родной край! — рѣшительно от-
вѣтилъ ген. Корниловъ. Какъ опытный полково-
децъ, онъ имѣлъ возможность изучить души лю-
дей и былъ убѣжденъ, что съ простымъ человѣ-
комъ можно говорить откровенно.

— Ты, значить, русскій и бѣжишь изъ неволи. Ну, Богъ въ помощь! А коли ты здѣсь, то будь у насъ гостемъ и не бойся ничего. Сюда жандармы не заходятъ, а если бы даже случайно сатана какого и занесъ въ наши мѣста, то мы знаемъ пропасти и пещеры. Ступай за мной, отдохнешь свободно, а завтра въ путь-дорогу.

— Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, за доброе слово!—отвѣтилъ ген. Корниловъ и безъ оговорокъ пошелъ за чабаномъ къ его жилищу, такъ называемой „колыбѣ“.

„Колыба“ находилась у маленькаго ручейка, падающаго со скалы. По всему видно было, что она была недавно построена, такъ какъ не успѣла хорошенько прикуриться дымомъ. Сложена была крюками изъ большихъ неотесанныхъ досокъ до самой крыши, на которой росла мурава. Внутри „колыбы“ было совершенно темно. Чабанъ снялъ съ маленькаго окошка рогожу, и свѣтъ наполнилъ избу, на стѣнахъ которой висѣли иконы съ ликами Николая Чудотворца и Почаевской Богоматери.

— Садись, милый, на лавку, вотъ здѣсь! — попросилъ чабанъ.

— Хорошо, но не на долго — склонившись, отвѣтилъ ген. Корниловъ.

— Подожди, но безъ куска хлѣба я тебя не отпущу. Гость въ хижину, Богъ въ хижину. Я сейчасъ приду обратно.

Чабанъ вышелъ въ сѣнь. Надъ утомленною головою вождя повисли тяжелыя думы.

*

Онъ сталъ на колѣни передъ святыми иконами; въ его очахъ блистали слезы. Ознаменовавъ грудь троекратнымъ крестомъ, онъ прошеп-

талъ тихую молитву: „Молю тебя, святое Провидѣніе, не оставь русскій народъ безъ помощи; выведи его на путь истины и вѣчной жизни; чтобы онъ поборолъ все зло и съ чистымъ сердцемъ совершалъ свои дѣла по примѣру своихъ дѣдовъ и чтобы единой душой, единымъ словомъ и единой мыслью шель къ своей завѣтной цѣли“.

Чабанъ, вернувшись изъ сѣни, увидѣлъ своего гостя на колѣняхъ, припавшимъ къ землѣ. Онъ подождалъ, пока тотъ не поднесся. Горецъ держалъ въ рукахъ кусокъ жареной баранины, кусокъ сырнаго „будза“ и цѣлый кукурузный хлѣбъ.

— Скажи, старикъ, откуда взялись у тебя такія иконы? — спросилъ ген. Корниловъ.

— Еще мой отецъ, царство ему небесное, принесъ изъ Почаева; онъ туда нѣсколько разъ тайкомъ ходилъ молиться. Какъ станеть, бывало, рассказывать, какая тамъ красота, то слезы такъ и текутъ изъ очей—оживился чабанъ.

— Какой же ты вѣры?

— У насъ на Карпатахъ кругомъ русская вѣра, вплоть къ мадьярщинѣ и къ словакамъ на западѣ, понимаешь? Однако мадьяры не любятъ нашей вѣры и издѣваются надъ нами. А ты грамотный?

— Да, могу читать и писать—отвѣтилъ, улыбаясь, Корниловъ.

— Ну, ты человѣкъ, какъ вижу, бывалый. Скажи мнѣ, кто кого переможетъ? Али русскіе мадьяръ, али напротивъ?

— Это одному Богу извѣстно.

— Гмъ, а ты женатъ и дѣтей имѣешь?

— Да, есть у меня жена, и дѣвочка, и мальчикъ, съ нею остались.

— Господи Боже! знать, больно тебѣ безъ нихъ.

— А ты какъ думаешь?

— Думаю, что больно, когда идешь къ нимъ. Ага, а ты уже долго въ дорогѣ?

— Уже прошла недѣля, старикъ, и всяко на пути бывало.

— Ой, вѣрю, вѣрю. Однако я не стану тебя мучить вопросами. Ты усталъ, тебѣ нужно отдохнуть, а тутъ совсѣмъ потемнѣло. Ложись спать, завтра встанешь здоровѣе. Постель у меня простая, но свѣжая, вся изъ сѣна, подушка изъ мху.

Ген. Корниловъ, послушавъ умнаго совѣта, прилегъ на постели пастуха. Сонъ его былъ крѣпокъ и мучителенъ. Но не Карпаты приснились ему. Онъ видѣлъ безъ предѣла степь съ безчисленными курганами, поднимающими свое чело изъ высокой пшеницы и травы. Широкая воля колыхалась надъ степью, по которой онъ мчался на своемъ быстромъ конѣ съ громадой вѣрныхъ текинцевъ. Куда онъ неся, онъ самъ этого не зналъ рѣшить, но стремился безпрерывно впередъ сквозь преграды, сквозь тучи враговъ, живыхъ и мертвыхъ. Со всѣхъ сторонъ они на него насѣдали, ловили, замахивались шашками. Еще шагъ—и конецъ! Но вотъ чудо! Ему навстрѣчу ѣдутъ непобѣдимые богатыри: Илья Муромецъ, Добрыня да Ермакъ, а за ними тьма-тьмущая казаковъ. Всѣ они поднимаютъ вверхъ свои каленые пики и зовутъ его къ себѣ на славный пиръ...

Спросонья генераль часто вздрагивалъ, что-то говорилъ сквозь сонъ. Старый чабанъ всю ночь сидѣлъ подъ строеніемъ, не закрывая очей ни на одно мгновеніе; онъ старательно вслушивался, не идетъ-ли въ горы какой нибудь непрощенный гость. На разсвѣтъ онъ подошелъ къ

генералу, который проснулся съ сильной Солью въ головѣ.

— Перекрестись и выпей, это ягодная вода, свѣжая, здоровая!—сказаль чабанъ, подавая генералу глиняную посуду съ водой.

Тотъ жадно прильнулъ къ чашкѣ и почувствовалъ, какъ живительная струя разливается по его тѣлу.

— Спасибо, торець, за братскій пріютъ, христіанское угощеніе, я до смерти тебя не забуду. Можетъ быть, доведеть Господь отплатиться тебѣ за хлѣбъ и соль.

— Дай Богъ еще разъ увидѣться. А теперь только запомни одно: на Карпатахъ кругомъ русская вѣра. Вотъ эта сумка тебѣ на дорогу! Тамъ кукуруза, брынза, баранина.

Ген. Корниловъ, тронутый простотою старика, поклонился ему низко и пожалъ сердечно руку. Молча вышли они на дворъ. Изъ-за утренняго тумана выбивалось ясное солнце, оживала благодатная долина. Внизу курился дымъ и стелился узкой полосой. Чабанъ проводилъ гостя по крутой тропинкѣ нѣсколько верстъ, показалъ дальнѣйшія дороги, толкомъ растолковаль, куда слѣдуетъ идти, что обходить, гдѣ останавливаться. И простизшись, исчезъ въ карпатскомъ бору.

*

Прошла еще недѣля. Ген. Корниловъ все еще путешествоваль по горамъ и ущельямъ. Несмотря на рѣдкую выносливость, онъ чувствовалъ, что силы его падаютъ, тѣмъ болѣе, что настала сырая погода. Мокрый туманъ покрылъ горы. Его шинель отяжелѣла, къ неуклюжимъ сапогамъ прилипала клейкая глина. По склонамъ спускаться

ся было почти невозможно. Въ ручейкахъ было полно воды, а мостовъ здѣсь не было.

Подойдя къ Ужу, ген. Корниловъ увидѣлъ, что эту бурную рѣчку въ бродъ нельзя было пройти; нужно было спуститься внизъ и перейти черезъ мостъ, охраняемый мадьярской заставой. Онъ шагнулъ рѣшительно впередъ, надвинувъ шапку на чело и спрятавъ голову въ воротникъ шинели. Часовой, согнувшійся въ три погибели у моста, не замѣтилъ его вовсе. На несчастье однако вышелъ изъ будки взводный.

— Эй, ты! почему не отдаешь чести? Га, болванъ проклятый, ты чего его пропускаешь на мостъ? Задержать его и сейчасъ отставить на главную гауптвахту! — съ пѣною у рта кричалъ взводный.

Изъ-подъ моста выскочили два солдата съ винтовками на изготовку и задержали Корнилова. Въ его очахъ потемнѣло, лихорадочно забилося надорванное невзгодою сердце. Прощай воля, прощай свобода, прощай родная Русь!

*

Шли вдоль рѣки, kloкочущей и рвущейся впередъ. Ген. Корниловъ думалъ тяжелую думу. Вдругъ его лицо просіяло.

— Давайте, камерады, зайдемъ въ корчму.

— Не плохо-бы погрѣться!—замѣтилъ одинъ.

— А у тебя деньги есть? спросилъ второй.

— Имѣю цѣлыхъ 20 кронъ!—отвѣтилъ плѣнный.

— Баста, идемъ!—согласились оба, ибо были очень голодны.

Подошли къ дому на окраинѣ села; на вывѣскѣ было написано крупными буквами: „боръ,

шеръ ешь палюнка“, т.е. пиво, вино и водка. Въ корчмѣ стояла кромѣшная толкотня; солдаты и мужики слились въ одну кучу. Началась попойка. Ген. Корниловъ не жалѣлъ денегъ и постоянно доливалъ до чарокъ мадьярской крѣпкой водки. Разносившая стаканчики служанка спросила Корнилова:

— А тебя за что арестовали?

— За послѣднюю глупость, милая. За то, что не отдалъ чести взводному.

— Окаянные! До чего обнаглѣли? Ступай за мною!—приказала дѣвушка.

Они прошли комнатку и темный корридорчикъ. Открылась дверь, и чистое поле распростерлось передъ глазами полководца.

— Съ Христомъ въ путь!—сказала служанка.

Большія слезы выступили на ланиты закаленного воина. Онъ схватилъ руку дѣвушки и поцѣловалъ ее жарко. Вскорѣ онъ опять нашелся подъ защитой Карпатъ, и въ немъ ожили новыя силы. Дуновеніе вѣтра съ далекаго русскаго востока придало ему бодрости и ласкало, словно нѣжная рука родной матери. Онъ чувствовалъ, что кончилось его горе и, молча, благословлялъ лѣсистые верхи чудныхъ горъ.

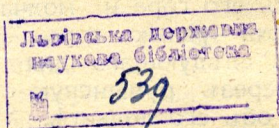
На зарѣ слѣдующаго дня ген. Корниловъ пробрался черезъ румынскую границу, и весь міръ узналъ объ его подвигѣ.

*

Добрая и лихая доля ходять вмѣстѣ. Русь испытала ту и другую, но была, есть и будетъ, пока Богъ на небѣ. Внемли, читатель, голосу: какъ муравей, собирай для грядущихъ потомковъ все, что носить на себѣ русское знамя. Послѣ истеченія многихъ лѣтъ большой радостью затрепещетъ не одна грудь, когда прочтетъ теплая

чувства, нанизанныя тобою, какъ приманчивыя мониста, на бумагу. Дорого все, что было.

И безъ меня читатель знаетъ, что Корниловъ, возвратясь на родину, посвятилъ всѣ свои силы и труды для добра своего народа, для болѣе свѣтлой его будущности. Несложнымъ словомъ здѣсь пересказана одна только страничка изъ его жизни. Необходимо записать всѣ страницы, чтобы не погибло ничего изъ того, что теперь еще хранится въ памяти многихъ. На тебѣ, русскій человекъ, коли ты одаренъ живой и пронизательной мыслью, лежить задача продолжать легенду и передать ее изъ поколѣнія въ поколѣние. Ген. Корниловъ всегда, готовясь въ бой опасный, помнилъ Мать свою и отдалъ ей все свое движимое и недвижимое имущество. Поэтому его не смѣетъ забыть ни одно русское сердце.

20 коп.

30805

0,48 коп
(1986)

539
4/2 N 5

В. Р. Ваврикъ.

Побѣгъ изъ плѣна
генерала Корнилова
черезъ Карпаты

Львовъ, 1931.